

Г. А. Большаков

КРИЗИС МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ НОРВЕГИИ, ДАНИИ, ШВЕЦИИ

Массовая миграция и процесс глобализации порождают многочисленные политические и социальные кризисы в странах Европы. Страны Скандинавии интересны тем, что решают проблему миграции в рамках как мультикультурного, так и интеграционного подходов. Но на данный момент все эти страны постепенно переходят к ужесточению международной политики, о чем свидетельствует рост влияния правых партий и многочисленные сообщения в СМИ. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: иммиграция, глобализация, мультикультурализм, интеграция, Скандинавия, массовая миграция, идентичность, кризис идентичности.

G. A. Bolshakov

THE CRISIS OF THE WELFARE STATE MODEL, THE EXAMPLE OF NORWAY, DENMARK, SWEDEN

Mass migration and globalization creates many political and social crises in Europe. Scandinavia is interesting with its challenges of migration both within the multicultural approach, and integration. But for the moment, all these countries are moving to tighten international politics, as evidenced by the rise of right-wing parties and the numerous reports in the media. Refs 17.

Keywords: immigration, globalization, multiculturalism, integration, Scandinavia, mass migration, identity, identity crisis.

Одной из причин написания данной статьи стали результаты исследования Р. Купмэнса [1], в котором автор доказал, что мигранты в государствах всеобщего благоденствия — Скандинавских странах, получая социальные пособия, оказались неспособными к интеграции в общество. Они не смогли принять никакого участия в управлении собственной жизнью и государством. Фактически у них не было стимула для участия в жизни государства. Следовательно, мультикультурализм как двусторонний диалог не может существовать в условиях развития негативной идентичности с обеих сторон коммуникативного поля, как бы иронично это ни звучало.

Говоря о Скандинавских странах, следует отметить, что политику мультикультурализма выбрала Швеция; Дания и в меньшей степени Норвегия пошли по пути, близкому к республиканской модели интеграции с элементами поликультурной. Критика концепции республиканской модели очевидна — под такой интеграцией может быть замаскирована принудительная ассимиляция, некоторые интеграционные процессы могут противоречить правам мигрантов (подобные примеры можно увидеть в Дании), да и вопрос о том, является ли принудительное обучение языку и европейским культурным ценностям демократическим процессом,

Большаков Глеб Александрович — кандидат политических наук, Управление внешнеэкономического сотрудничества Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, Российская Федерация, 191060, Санкт-Петербург, Смольный; gleb444@bk.ru

Bolshakov Gleb A. — PhD, Committee for external relations of St. Petersburg, Smolny, St. Petersburg, 191060, Russian Federation; gleb444@bk.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

остается открытым. Однако очевидно, что без интеграционных процессов теория мультикультурализма остается утопией, а ее внедрение приводит к размыванию идентичности принимающего общества и общественному кризису. Повышение активности праворадикальных партий в Швеции, низкая интеграция мигрантов на рынке труда, а также возникновение социальных проблем (от экономических до политических) во всех трех странах лишний раз доказывают данный тезис.

Однако иногда интеграционные процессы перерастают в ассимиляционные. Красноречивым в этом плане является пример «страны победившей интеграции» — Норвегии. В стране, где детей в школах учат праздновать христианские праздники вне зависимости от вероисповедания, а мусульманским детям не разрешено брать выходной на их религиозные праздники, где невозможно нормально существовать, не приняв норвежскую культурную идентичность [2], тем не менее произошел теракт. Террорист Андерс Брейвик, объясняя свои действия, апеллировал в первую очередь к идеям паневропеизма, которые в свое время высказывали С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» [3] и Ф. Фукуяма в «Конце истории» [4]. То, что подобное произошло именно в Норвегии, где политика интеграции прослеживается наиболее ярко, говорит нам о возможных ошибках интеграционного подхода [2]. Хотя не стоит исключать и того, что впечатление на Брейвика произвела политика других стран Европы — Германии, Франции, Нидерландов, с их, как тогда казалось, победившим мультикультурализмом.

«Страны скандинавского чуда» — так называют Норвегию, Данию и Швецию за их социальную политику. Их тип государства всеобщего благоденствия характеризуется всеобщим доступом к материальным благам, многочисленными льготами и очень высокой культурой участия в обществе. Гарри Фримен еще в 1986 г., отвечая на вопрос, является ли иммиграция угрозой для государства всеобщего благоденствия отметил, что это явление постепенно разрушает общественные соглашения, консолидацию общества и баланс сил в государстве, которые позволяют проводить эффективную социальную политику. «Когда государство всеобщего благоденствия воспринимается как что-то для “них”, оплаченное “нами”, тогда социальные проблемы разрушают основы этого государства» [5, р.56]. Тогда этот тезис был довольно спорным и инновационным, но на данный момент он выражает суть самой важной причины того, что миграция и иммигранты вызывают ощущение угрозы. Экономические проблемы часто вуалируются этническими стереотипами, вокруг которых формируется негативная идентичность людей, испытывающих определенные адаптационные трудности. Противопоставление «мы — они» — классический пример начала кризиса идентичности. Самый большой страх вызывает угроза потерять все материальные блага, которые дает государство. И в XXI столетии проблему, поставленную Фрименом, невозможно не замечать.

Страх перед миграцией вызван прежде всего страхом разрушения государства всеобщего благоденствия и утраты благ, которые оно приносит. Вслед за Фрименом к этой теме обратился Майкл Уолцер: «Идея справедливого распределения предполагает некий ограниченный мир, в пределах которого распределяются блага, где группа людей делит, обменивается и передает товары, прежде всего между собой» [6, р.102]. Кристиан Джопк выражается более откровенно: «Права дорого стоят, и они не могут быть для всех» [7, р.34]. Сейла Бенхабиб в своей концепции «ограниченного универсализма» [8] соотнесла справедливое внутреннее распределение

благ с ограничением доступа к этим благам. Соответственно любое вторжение извне способно нарушить стабильность данной системы.

Некоторые исследователи связывают концепцию «социального единства» с функционированием всей системы государства всеобщего благоденствия. Этническое разнообразие неизбежно размывает основу этого социального единства, а значит, и основу социальной политики государства, считают Алесина и Глэйзер [9] и Дэвид Гудхарт [10]. К тому же экономические проблемы способствуют формированию негативной идентичности этнических групп среди коренных жителей и среди приезжих. В ответ общество начинает поддерживать праворадикальные антимиграционные партии, вокруг которых формируется негативная национальная идентичность. Для мигрантов новое общество становится эксплуататором, который не хочет делиться благами, а мигранты для коренных жителей — угрозой. Учитывая, что зачастую обе группы являются гражданами одной страны, налицо кризис этнической идентичности, размывание национальной идентичности и кризис солидарности в государстве.

Другие исследователи, среди которых много апологетов мультикультурализма (У.Кимлика [11], Б.Парекх [12], Ч.Тэйлор [13], М.Уолцер [14]), выступают против идеи «социального единства». Они утверждают, что государства всеобщего благоденствия, наоборот, смягчают потенциальные отрицательные эффекты миграции. Маркус Крепс, например, считает, что в государствах с развитой социальной политикой интеграция происходит быстрее, доказывая свой аргумент путем сравнения миграционной политики США и Европы [15].

Однако такой подход не выдерживает критики: первое время государство всеобщего благоденствия действительно смягчает все негативные эффекты от миграции — борьбу за ресурсы, рабочие места, и как результат — ксенофобию, но по мере роста миграции эффективность такой социальной политики падает, и в итоге само государство всеобщего благоденствия оказывается под угрозой. Рууд Купмэнс с помощью сравнительного анализа доказывает, что государство с развитой социальной политикой «не обеспечивает стимулы для овладения языком и установления межэтнических контактов» [1, р. 36]. То есть мигранты получают средства к существованию, но не хотят полностью адаптироваться. Во многом причина тому — сложность адаптационных процессов, стресс аккультурации. Новоприбывший мигрант идет по наиболее удобному для него пути — существованию за счет пособия. В итоге повышается нагрузка на бюджет государства, при этом мигранты живут гораздо хуже, чем в государствах с активной политикой интеграции, где они заинтересованы экономически в изучении языка и поиске работы и где им всячески в этом помогают. Купмэнс подводит итог: «...мигранты становятся зависимыми от государства всеобщего благоденствия и в итоге оказываются в социально-экономической и политической изоляции» [1, р. 36]. Легкий доступ к минимуму благ в итоге понижает трудовую активность, способствует росту преступности и ухудшению жизни мигрантов. В итоге великодушные «стран скандинавского чуда» по отношению к мигрантам идет во вред и самим мигрантам, и всему обществу в целом.

По сути, это один из главных антитезисов мультикультурализма. Данная политика, по заявлению лидеров многих государств, в целом провалилась как раз к моменту написания работы Купмэнса. Даже государства с развитой социальной политикой, следовавшие парадигме мультикультурализма, начали постепенный

переход к политике интеграции. Отличие стран Скандинавии от других европейских стран состоит в том, что, пока мигрантские диаспоры в них не так велики (даже в Швеции, где самая крупная диаспора), переход от политики мультикультурализма к политике интеграции может пройти здесь почти безболезненно. Нации в Скандинавии до сих пор более чем на 90% состоят из людей с европейской этнической идентичностью. Швеция, правда, скоро может стать исключением из этого правила. И это обеспечивает правым партиям дополнительные голоса в парламенте, в отличие от Дании, где экономические предпосылки и сравнительно небольшая диаспора мигрантов привели, наоборот, к ослаблению позиции правых и постепенному смягчению политики. Что, впрочем, не означает того, что Дания перешла или перейдет на поликультурную модель интеграции.

Одна из главных причин «размывания» идентичности — массовая миграция, когда огромные массы людей с разной этнической идентичностью приезжают в одну страну и пока еще не способны вместе с коренным населением сформировать единую позитивную национальную идентичность.

В случае «размывания» идентичности граждане той страны, в которой происходит данный процесс, перестают понимать, что же является именно их культурой. Теряются материальные, культурные связи не только внутри страны, между местным населением, но и на международном уровне. Например, маленькая Дания разрывается между датской и общеевропейской идентичностью и в то же время принимает довольно большое количество мигрантов, людей совершенно иной идентичности, что не добавляет стабильности в стране. В социальном аспекте это проявляется, когда коренной гражданин страны не признает гражданина той же страны, чьи предки иммигрировали в нее поколение назад. Итог — мигранты чувствуют себя «непризнанными», «потерянными». В результате — рост национализма, сепаратизма, ксенофобии и интолерантности.

Вместе с тем теоретики, занимающиеся вопросами взаимовлияния модели государства всеобщего благоденствия и миграционных потоков, вряд ли брали за основу своих исследований именно Скандинавские страны. Однако гомогенность нации, схожесть социальных и политических систем фактически дают возможность проведения в этих странах «управляемого эксперимента», так как условия для сравнительного анализа на данный момент сложились оптимальные.

Рассмотрев интеграционную политику трех Скандинавских стран, мы выяснили, что наиболее либеральной в этом вопросе является Швеция, самой радикальной — Дания, а Норвегия занимает промежуточное место. Это легко доказать, проанализировав в целом общественно-политический дискурс и правовое поле, регулирующее миграцию в этих странах. Дания считает причиной кризиса национальной идентичности этническую и религиозную, по большей части исламскую, негативную идентичность мигрантов. Однако эта страна сама развивает негативную национальную идентичность, затрудняя интеграцию. Датчане считают, что основная проблема заключается в культуре мигрантов, что подтверждает гипотезу авторов книги «Парадоксы культурного распознавания» [2] о «культуралистском» взгляде на мигрантов. Совершенно другой подход мы наблюдаем в Швеции, которая видит причину кризиса идентичности в чрезмерной интолерантности своих интеграционных институтов. Фактически шведы считают, что структурная дискриминация мешает мигрантам полноценно функционировать в обществе и предоставление

больших прав может решить данную проблему. Однако такой подход, как доказал Купмэнс, далек от эффективности. Тут мы сталкиваемся с тем, что мигранты полностью лишены стимула интегрироваться в общество. Мало того, отсутствует единое поле коммуникации. Соответственно, шведский подход также неидеален. Норвегия считает, что с миграционными проблемами просто не справляются муниципалитеты, и проводит несколько усредненную политику, заимствуя кое-что от Дании и кое-что от Швеции. Но из-за расхождений в подходах такая политика тоже не может быть признана эффективной. Однако в целом шведская модель привлекательна для всего общества в случае прохождения мигрантами интеграционных процедур (чего не происходит вследствие этой же политики), а датская позволяет быстро интегрировать мигрантов в общество через рынок труда. Однако во всех странах мы сталкиваемся с проблемой отсутствия стимула в условиях стресса аккультурации. Можно утверждать, что без политического вмешательства модель государства всеобщего благоденствия не просто не способствует, а мешает полноценной интеграции и экономическому процветанию мигрантов.

Вкратце ситуацию можно описать так: датчане видят проблему в мигрантах и их культуре, шведы — в расизме своих граждан, а норвежцы — в качестве предоставляемых услуг в муниципалитетах.

Однако следует отметить, что если раньше шведы больше внимания уделяли именно изменению институтов, снижению уровня дискриминации и расизма, то теперь они больше усилий направляют на интеграцию мигрантов через рынок труда. В Дании фактически провозгласили политику дискриминации, однако возможностей и стимулов для работы было больше, что показывают индексы, приведенные в исследовании Купмэнса. Так или иначе, большая часть мигрантов оказалась исключена из высокооплачиваемого сегмента трудового рынка Дании. Норвежский подход может быть охарактеризован как подход прав и обязанностей — мигрант обязан приложить ряд усилий, чтобы полноценно интегрироваться в сообщество и получить полные права. Однако несоответствие реальных услуг по предоставлению работы и интеграционных программ заявленным сделали свое дело, и норвежская социальная система также находится под давлением, связанным с миграционными потоками.

По сути, оптимальной политикой является централизованная интеграция через рынок труда с сопутствующими интеграционными образовательными программами, в том числе и для местного населения, и четко продуманным планом расселения мигрантов. На данный момент во всех трех странах наблюдается переход именно к подобной политике как к единственному способу преодоления кризиса этнической и национальной идентичности.

Датский ученый Ульф Хедетофт, занимающийся миграционными процессами, однако, считает, что политика этих стран постепенно приходит к общему знаменателю. В первую очередь все они начали воспринимать рынок труда как основную арену для интеграции. За 40 лет интеграционной политики страны выработали свои подходы, однако в целом пришли примерно к одному и тому же. Все три страны пережили схожие волны иммиграции, везде иммигранты остались на низкооплачиваемых рабочих местах вместо того, чтобы идти вверх по карьерной лестнице. Во многом в этом виноват размер денежного пособия: оно не слишком большое по меркам коренного населения, однако более чем достаточное для приезжих [16].

В общем ощущение, что интеграция потерпела неудачу, существует сейчас во всех трех Скандинавских странах. И именно это ощущение кризиса идентичности привело к постепенному изменению политики на современном этапе. В этом смысле скандинавские политики более пессимистичны (а во многом — реалистичны), чем апологеты мультикультурализма. Ведь те же Бэнтиг и Кимлика утверждают, что способность государств всеобщего благоденствия нивелировать проблемы массовой миграции напрямую связана с их возможностями к «включению» мигрантов в сообщество [17]. Однако выше мы доказали, что такая точка зрения достаточна утопична.

Определенно можно утверждать, что решение проблем интеграции, а также национальной и этнической идентичности возможно только в результате принятия политических решений, которые могут способствовать созданию единой программы по интеграции мигрантов в общество. Мы доказали, что мультикультурная интеграционная политика не работает без интеграционных процессов, характерных для республиканской модели. Соответственно единственным способом преодоления кризиса идентичности может быть принятие ряда правовых актов, стимулирующих интеграцию мигрантов через трудовой рынок.

Итак, за последние 20 лет миграционная политика Скандинавских стран постепенно стала стремиться к некоему общему знаменателю. Она прошла довольно сложный путь, на котором каждое государство выбрало свой вариант решения проблемы мигрантов. Однако из-за краха политики интеграции все три страны стали постепенно менять свою миграционную политику: Дания — смягчать ее, Швеция — ужесточать, Норвегия — оптимизировать. Фактически они стали воплощать в жизнь логику активного государства всеобщего благоденствия, в котором правительство, непосредственно используя свои властные полномочия, вмешивается в интеграционный процесс, создавая условия и правовую базу для полноценной интеграции мигрантов, чтобы в рамках парадигмы этого государства обеспечить всем приемлемый уровень жизни.

Причиной постепенного сближения политики Скандинавских стран, скорее всего, стала деятельность правых партий, которые постепенно начали спекулировать на теме миграционных процессов. Рост поддержки правых был своеобразным «откатом» от классического государства всеобщего благоденствия, однако в скандинавском контексте это оказалось даже выгодно, так как правые в Скандинавии все равно остаются социал-демократами, но они, в отличие от левых, не побоятся в случае прихода к власти урезать пособие, что, в конечном счете, позитивно скажется на мигрантах и их способности к интеграции. Также правые, как показывает пример Дании, разрабатывают надежные программы для интеграции через рынок труда. С этой точки зрения, по мнению ряда авторов, победа правых на выборах, возможно, способна решить проблему миграции. Ослабление позиций правых партий в Дании лишний раз доказывает этот тезис — к власти в Скандинавии постепенно приходят умеренные правые, а точнее (в дискурсе Скандинавии) «правые левые», способные развивать социальные программы и вместе с тем заботиться о приезжих переселенцах.

Оптимальным, по нашему мнению, является совмещение датского метода по интеграции и шведского по обращению с мигрантами. Дания фактически институционализирует негативную идентичность. В Швеции, как показали последние

бунты, негативная идентичность появилась вследствие проведения политики радикального мультикультурализма, в результате которой обострилась негативная этническая идентичность мигрантов. Норвегия же страдает от отсутствия централизованной и последовательной политики.

Литература

1. Koopmans R. Trade-offs between equality and difference:immigrant integration, multiculturalism and the welfare state in cross-national perspective // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36, N 1. P. 1–26.
2. Alghasi S., Eriksen T. H., Ghorashi H. *Paradoxes of cultural recognition*. Ashgate, 2009. 303 p.
3. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008. 640 с.
4. Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 84–118.
5. Freeman G. Migration and the political economy of the welfare state // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1986. Vol. 485, N 1. P. 51–63.
6. Walzer M. *On Toleration*. New Haven: Yale University Press, 1997. 126 p.
7. Joppke C. *Immigration and the Nation-State*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 368 p.
8. Benhabib S. Transformations of citizenship: the case of contemporary Europe // *Government and Opposition*. 2002. Vol. 37, N 4. P. 439–465.
9. Alesina A., Glaeser E. *Fighting poverty in the US and Europe. A World of Difference*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 262 p.
10. Goodhart D. Too diverse? Is Britain becoming too diverse to sustain the mutual obligations behind good society and the welfare state // *Prospect*. N 95. February 2004. URL: <http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/too-diverse-david-goodhart-multiculturalism-britain-immigration-globalisation> (дата обращения: 22.05.2016).
11. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 400 p.
12. Parekh B. *Rethinking Multiculturalism. Cultural Diversity and Political Theory*. London: MacMillan Press, 2000. 379 p.
13. Taylor Ch. *Sources of the Self. The Making of the Modern Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 624 p.
14. Walzer M. *Spheres of justice*. New York: Basic Books, 1983. 69 p.
15. Crepaz M. M. *Trust beyond borders. Immigration, the welfarestate, and identity in modern societies*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008. 301 p.
16. Hedetoft U. Divergens eller konvergens? Perspektiver i den dansk-svenske sammenstilling // *Invan-drare och integration i Danmark och Sverige* / eds U. Hedetoft, B. Petersson & L. Sturfelt. Halmstad: Makadam Förlag & Centrum för Danmarksstudier, 2006. P. 251–268.
17. Banting K., Kymlicka W. (eds) *Multiculturalism and the welfare state. recognition and redistribution in contemporary democracies*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 422 p.

Для цитирования: Большаков Г. А. Кризис модели государства всеобщего благоденствия на примере Норвегии, Дании, Швеции // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 4. С. 36–43. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.404

References

1. Koopmans R. Trade-offs between equality and difference:immigrant integration, multiculturalism and the welfare state in cross-national perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2010, vol. 36, no. 1, pp. 1–26.
2. Alghasi S., Eriksen T. H., Ghorashi H. *Paradoxes of cultural recognition*. Ashgate, 2009. 303 p.
3. Hantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti* [Who are we? Challenges to America's National Identity]. Moscow, AST Publ., 2008. 640 p. (In Russian)
4. Fukujama F. Konec istorii? [The End of History?]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3, pp. 84–118. (In Russian)
5. Freeman G. Migration and the political economy of the welfare state. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1986, vol. 485, no. 1, pp. 51–63.

6. Walzer M. *On Toleration*. New Haven, Yale University Press, 1997. 126 p.
7. Joppke C. *Immigration and the Nation-State*. Oxford, Oxford University Press, 2000, 368 p.
8. Benhabib S. Transformations of citizenship: the case of contemporary Europe. *Government and Opposition*. 2002, vol. 37, no. 4, pp. 439–465.
9. Alesina A., Glaeser E. *Fighting poverty in the US and Europe*. A World of Difference, Oxford, Oxford University Press, 2004. 262 p.
10. Goodhart D. Too diverse? Is Britain becoming too diverse to sustain the mutual obligations behind good society and the welfare state. *Prospect*. N 95. February 2004. Available at: <http://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/too-diverse-david-goodhart-multiculturalism-britain-immigration-globalisation> (accessed: 22.05.2016).
11. Kymlicka W. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford, Oxford University Press, 2001. 400 p.
12. Parekh B. *Rethinking Multiculturalism. Cultural Diversity and Political Theory*. London, MacMillan Press, 2000. 379 p.
13. Taylor Ch. *Sources of the Self. The Making of the Modern Identity*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989. 624 p.
14. Walzer M. *Spheres of justice*. New York, Basic Books, 1983. 69 p.
15. Crepaz M. M. *Trust beyond borders. Immigration, the welfarestate, and identity in modern societies*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2008. 301 p.
16. Hedetoft U. Divergens eller konvergens? Perspektiver i den dansk-svenske sammenstilling. *Invan-drare och integration i Danmark och Sverige*. Eds U. Hedetoft, B. Petersson & L. Sturfelt. Halmstad, Makadam Förlag & Centrum för Danmarksstudier, 2006, pp. 251–268.
17. Banting K., Kymlicka W. (eds) *Multiculturalism and the welfare state. recognition and redistribution in contemporary democracies*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 422 p.

For citation: Bolshakov G. A. The Crisis of the Welfare State Model, the example of Norway, Denmark, Sweden. *Vestnik SPbSU. Series 6. Political science. International relations*, 2016, issue 4, pp. 36–43. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.404

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.;
рекомендована в печать 19 октября 2016 г.